

"Где я?" Мальчик бормочет, его голос хриплый от боли. "Почему я не вижу?"

"Ты в пустыне страны огня". Мужчина отвечает ровно. "Ты не видишь, потому что у тебя нет глаз".

Мальчик дергается, и незнакомцу приходится поправлять свою руку, чтобы не уронить его. Подросток не так уж мал, хотя, похоже, подростковый возраст у него еще не закончился. Он долговязый и громоздкий, даже одной конечности не хватает.

Дыхание мальчика учащается, когда он, кажется, осознает, что глаза - не единственное, чего ему не хватает, и темноволосый мужчина почти теряет хватку, когда делает выпад, хватаясь единственной рабочей рукой за пустой изгиб плеча.

"Полегче..." прорычал мужчина. "Или я тебя уроню. А спускаться еще долго".

"Он пропал... что... что со мной случилось?"

"Что ты помнишь?"

Мальчик приостановился, делая глубокий дрожащий вдох против боли и крепко хватаясь за рубашку стангера, чтобы успокоиться. Значит, он по крайней мере токудзё, думает темный мужчина, если не выше рангом. Нужно обладать большой стойкостью, чтобы справиться с такой сильной болью.

"Падение". решает он. "Я помню, как упал. Потом боль, потом вода..."

"Что-нибудь до этого?"

Мальчик качает головой, прижимаясь к нему сильнее. "Только серый цвет. Может быть, был голос, прямо перед тем, как я упал... но больше ничего".

Незнакомец кивает сам себе. Он этого и ожидал: шаринган глубоко связан с центрами памяти в мозгу. Парню повезло, что единственное, что он, похоже, потерял, - это свое прошлое.

Долгое время никто из них не разговаривает, слышен лишь стук дождя по листьям под навесом и шум воздуха, когда темный человек перепрыгивает с дерева на дерево. Затем мальчик резко произносит.

"Ты спас меня". Это не вопрос.

"Я нашел тебя". Мужчина поправляет его.

"Лжец." Мальчик стреляет в ответ.

Мужчина фыркает. "Слушай, придурок. Ты здесь только потому, что обладаешь, вернее, обладал, кеккей-генкаем, который может доставить мне неприятности в чужих руках".

"Я слышал твой разговор с тем человеком на берегу реки. Он хотел, чтобы ты убил меня. Но ты этого не сделал".

Темный скрипнул зубами. "Не думай об этом слишком много".

Настала очередь мальчика фыркнуть. Снова пауза, прежде чем мальчик спрашивает: "Куда мы идем?"

"В страну молний".

"Почему?"

"Тебе нужна медицинская помощь, которую я не могу тебе оказать, а у меня есть дела, не связанные с присмотром за детьми".

"Ты собираешься передать меня кому-то другому?"

"Да." Мужчина говорит сразу, не раскаиваясь. "Ты и так мишень на моей спине. Кроме того, пластырь на твоём плече - это временное решение, тебе нужен долгий период заживления, который ты не найдешь под моим присмотром".

После этого мальчик долго молчит.

Вместо этого он ждет и оценивает то, что может.

Рука, прижимающая его к боку, необычайно сильна. Он не уверен, откуда ему это известно, ведь он не может вспомнить даже собственного имени, но он доверяет своим чувствам там, где не может доверять своей памяти, и они без сомнения говорят ему, что этот человек сильнее многих. Он удерживает его на месте, как будто это легко, как будто тот совсем ничего не весит.

Кожа на его руке тоже странной текстуры, слишком твердая, чтобы быть настоящей плотью, со странными неглубокими полосами, которые изгибаются вверх от локтя к плечу. Она напоминает ему, как ни странно, шрам.

Может быть, ожог?

Но это не совсем верно: линии слишком идеальны, а текстура слишком однородна... Голос мужчины прерывает его мысли.

"Мы покидаем Территорию Огня. Небольшой совет: держите рот на замке. Если, конечно, вы не хотите откусить себе язык пополам".

Прежде чем он успевает ответить на странное заявление мужчины, раздается вихревой звук, и весь мир вокруг него смещается, гравитация расходится и закручивается под ним, а желудок сводит узлом, так как равновесие нарушается, и у него перехватывает дыхание. Весь процесс длится всего несколько секунд, а когда он заканчивается, воздух на его коже становится другим - сухим и теплым, если бы не постоянный ветер, от которого по влажной коже рук бегут мурашки.

Это было джикукан-дзюцу. Он думает об этом, более чем ошеломленный, и не обязательно от прыжка через пространство-время.

Человек даже не подал руки.

Должно быть, потеря крови сказывается на моей голове. решает он. Не может быть...

Но кровопотеря, видимо, не только в голове, так как тело, похоже, не может и не хочет тратить энергию, необходимую для восстановления равновесия, и его чувства становятся все более тусклыми. Последнее, что он осознает, - это то, что рука, обнимающая его, прижимается к нему все крепче, а грудь, прижатая к нему, опускается с покорным вздохом.

<>

Выйдя из своей комнаты на постоялом дворе и затворив за собой дверь сёдзи, Шизуне в мрачном настроении выходит из комнаты, оставляя мастера Цунаде храпеть на футоне, а пустую фляжку с сёку по-прежнему упрямо сжимать между пальцами.

200 000 рё.

Два. Сто. Тысяча. Рё.

Они здесь уже день.

Тонтон смотрит на нее со своего места в объятиях Шизуне и тоскливо ойкает.

Шизуне вздыхает. "Я знаю. Можно подумать, я уже перестала удивляться". Она тихонько опускает нин-свинью в коридоре, стараясь не шуметь копытами по твердому полу, учитывая поздний час. Когда Тонтон выпрямляется, копыта не издают ни малейшего шума, даже когда

она слегка топает и резко поворачивает голову в сторону коридора.

"Конечно". легко согласилась Шизуне. "Иди и найди себе трюфелей, которыми так славятся эти леса. Мне все равно нужно подышать воздухом".

Тонтон убегает, а Шизуне на мгновение успокаивается, делает глубокий вдох и проводит рукой по своим коротким темным волосам. Она направляется по коридору в сторону, противоположную той, куда убежал Тонтон, и шарит руками по потайным карманам в рукавах. К тому времени как она дошла до небольшого сада, примыкающего к их комнате, она нашла то, что искала, - безобидный на вид серебряный футляр, который легко можно было принять за коробочку для пилюль. Прислонившись к стене, она открывает его, достает сигарету и быстрым движением руки зажигает воздух над своим большим пальцем.

Она делает глубокую затяжку и позволяет никотину успокоить ее расшатанные нервы и погасить разочарование, которое копилось в ней весь вечер.

Через несколько минут неподалеку от нее раздается шорох, от которого она чуть не выпрыгивает из кожи. Ее глаза безошибочно фиксируются на тени под вишневым деревом перед ней, а руки тут же тянутся к сюрикену в рукаве, полувыкуренная сигарета падает и тлеет у ее ног.

"Что тебе нужно?" требует она. Она знает, что такое импульс чакры, когда чувствует его, хотя он не такой текстуры и консистенции, как раньше. Она темная, текучая, как река в полночь, но в ней есть некая статичность, которую она не может полностью интерпретировать, как вкус озона в воздухе перед грозой, как стихийное бедствие на поводке.

Материализовавшийся из темноты мужчина высок и худощав, его лицо закрыто мотком темного дорожного шарфа и накинутым на голову плащом. Правой рукой он прижимает к боку какой-то сверток, а единственный глаз, который она видит, - темный, цвета черного дерева.

"Ваша помощь, госпожа Шизуне".

<http://tl.rulate.ru/book/100795/3456623>